

*Всадники скачут от Нок-на-Рей
Мчат над могилою Клот-на-Бар,
Кайлте пылает, словно пожар,
И Ниав кличет: «Скорей, скорей!
Выкинь из сердца смертные сны,
Кружатся листья, кони летят,
Волосы ветром относит назад,
Огненны очи, лица бледны.
Призрачной скачки неустов пыл,
Кто нас увидел, навек пропал:
Он позабудет, о чём мечтал,
Всё позабудет, чем прежде жил.
Скачут и кличут во тьме ночей,
И нет страшней и прекрасней чар;
Кайлте пылает, словно пожар,
И Ниав громко зовёт: Скорей!»*

**У.Б. Йейтс. Воинство сигов.
в переводе Г. Кружкова**

— Склонись перед своим королём, — проговорил кемранский военачальник.

Айдра по прозвищу Волчье Око — вождь дикого народа келлов — не удостоил его даже взглядом. Во все глаза он смотрел на стоявшего перед ним демона во плоти, облачённого в тускло поблёскивающие доспехи. Только демон, не человек, мог сражаться *так*. Могучие воины-келлы не смогли противостоять ему и его рыцарям. Даже сам Айдра, вызвав его на бой, проиграл. Что ж, за таким, как Вальтен Завоеватель, непобедимый владыка Кемрана, не стыдно было последовать и гордому народу келлов, если бы только он не нёс с собой новое противоестественное знание. Но доходили смутные слухи, что Завоеватель не поработал завоёванные народы, не сгибал их тяжёлым ярмом ядовитой стали. Кемранцы были воинами, а не головорезами и не проливали лишней крови.

Сегодня вождю предстояло проверить это.

— Я отдаю тебе свою жизнь с радостью, Вальтен Завоеватель. Пощади мой народ. Что мы сможем предложить тебе и Кемрану, если ты убьёшь всё то, что мы чувствуем?

Взмах руки, закованной в латную перчатку, — и воины вокруг Айдры опустили направленные на вождя клинки. Король Кемрана поднял забрало.

«Так молод!» — изумлённо подумал Волчье Око, глядя на жёсткое, как у всех кемранцев, благородное лицо короля.

Вальтен Завоеватель, одолевший в бою самого Айдру из келлов, действительно был намного моложе, чем мог представить себе вождь. Но его ледяные тёмно-синие глаза не горели юношеским задором победителя. В них были такая горечь и усталость, что это выделяло его даже среди представителей его хмурой, скупой на эмоции расы.

— Я хочу, чтобы ты остался вождём, Айдра Волчье Око, — сказал король. — Присягни мне сегодня. Я оставляю твоему народу ваши земли, если они станут частью Кемрана. Служите мне, как служит мне мой народ. Мне нужен ваш дух воинов, а не дух рабов.

Изумлению Айдры не было предела.

— Во имя Отца и Матери Мира! Ты принёс в наши земли ядовитую сталь. Чего же ты хочешь, король Вальтен?

Нечто странное отразилось в тёмных глазах кемранского властителя, величайшего воина их времени, чья слава гремела по всем известным землям.

— Я хочу, чтобы вы сохранили то, во что верите, *любой ценой*. Поклянись мне, Айдра Волчье Око, и останешься вождём своего народа.

В тот день народ келлов присягнул Кемрану, и границы королевства расширились.

— Каков твой следующий приказ, мой король? — спросил военачальник Торан, когда пришло время покидать земли келлов. — Возвращаемся домой?

Зов Дикой Охоты

Вальтен Завоеватель покачал головой.

— Пусть основная часть войска возвращается в Кемран. Я хочу навестить нашего союзника, короля-друида Иннру. Поезжай со мной, если желаешь, и отбери воинов нам в сопровождение.

Суровое лицо Торана просветлело, и он поклонился в седле.

— Да, мой король.

Радостное волнение царило среди его воинов, когда он передал им приказ короля: отправляться в Валлу, землю волшебства. Не только его сердцу Валла дарила покой, который Торан давно уже не чувствовал дома.

Ноги сами несли её в колдовском танце, в ритме чарующей песни. Эту песню ткал ночной ветер, и она вторила ему своим волшебным голосом, в котором звенели тени потустороннего. Искры мелодий осыпались в город, стучались в запертые ставни, но большинство людей страшилось отзывать на стук и отпирать свои сны. Лишь немногих смелых касались отзвуки её сказки.

Ночь расправила свои тёмные украшенные россыпью бриллиантов крылья, вздохнула и разлилась лунным светом. Остались позади замковый сад, спящий город, крепостная стена. Она протанцевала над лугом и теперь летела к заповедному губовому лесу, издревле находившемуся под защитой королевского рода. Лес манил её, звал. Вдалеке она слышала переливы других голосов, подобных её собственному. Ей никогда не удавалось приблизиться к ним достаточно, чтобы поймать блуждающие огни и увидеть лица тех, кто звал её так пронзительно и невыносимо самим своим присутствием. Она пела, и они слышали, но не могли приблизиться к ней так же, как она не могла найти их. Она брела по их следу, иногда находя отмеченные ими заколдованные поляны, но всегда чуточку опаздывала, приходила, когда они уже

Зов Дикой Охоты

снимались с места и отправлялись дальше по своим зачарованным тропам.

Её босые ноги коснулись мягкой травы, когда она в нерешительности остановилась на краю леса, прервав свой танец-полёт. Вдалеке, во мраке чащобы, в хитро-сплетениях гревных ветвей звенели нездешние голоса, манила, вынимала сердце из груди сказочная музыка. Больно было понимать, что сегодня она снова не доберётся до них, но она должна была попробовать.

Раздался едва слышный призрачный перестук копыт. Она обернулась, уже зная, кого увидит там. Тёмный сотканный крылатой ночью неосёдланный конь переступал с ноги на ногу, не решаясь приблизиться к ней. Непокорное пламя рубиновых глаз приглушала глубокая печаль. Следом вынырнули из мрака туманные псы, завились текучими тенями, обретая подобие формы. Они радостно приветствовали её, но тоже не решились приблизиться.

А потом показался тот, кто встречал её здесь каждый раз, — тёмный Всадник на таком же коне, как тот, что одиноко ждал её. Его плащ висел сложенными чёрными крыльями, а лицо, как всегда, скрывал глубокий капюшон. Затянутые в перчатки руки сжимали поводья коня — мглистые змейки, охватывавшие шею мудрого скакуна, никогда не знавшего узды.

— Пусть ночь раскроет вам желанные объятия, — тихо поприветствовала она привычной фразой всё это странное собрание.

Псы тихо, шепчуще заскулили. Кому-то этот звук показался бы жутким, как заунывная песнь призраков, но только не ей. Кони негромко приветственно заржали. Голос каждого из них был будто соткан из нескольких и отозвался в лесу потусторонним эхом.

Всадник склонил голову.

— Пусть она осыплет тебя своими драгоценностями.

Его голос — глубокий, тягучий — тоже не мог принадлежать никому из тех, кто каждый белый день бродил по земле. Для неё этот голос был мягким, но он мог быть и смертоносным, как последний свист меча.

Она чуть улыбнулась, радуясь встрече, а потом с тоской посмотрела на лес, вслушиваясь в перезвон далёких голосов.

— Ты не сможешь достигнуть их, пока не очнёшься ото сна **там**, — тихо напомнил Всадник, — от сна куда как более глубокого, чем тот, что приводит тебя сюда.

— Но ведь ты приходишь. — Она чуть улыбнулась ему и приблизилась, вглядываясь в провал капюшона. — Они не дожидаются меня, но ты приходишь всегда.

Черт его лица она никогда так и не смогла разглядеть и не помнила даже, было ли у него лицо. Но иногда, как сейчас, его глаза вспыхивали вдруг, как у ночного зверя — серебристо-стальные огни в тени.

— Мы здесь для тебя, — пожал плечами Всадник, придерживая поводья своего коня. — Мы выбрали так.

Она протянула руку и, остановив лагерь почти у самой головы скакуна, вздохнула.

— Я благодарна вам. Но вы ведь не можете вернуться домой. Из-за меня...

— Пока не можем, да. Как и ты.

Своим сердцем, самой глубиной своей сути она помнила, о чём он говорил, но никак не могла поймать пламенную птицу этой мысли — так же как не могла поймать блуждающие огни в лесу. Была только неизбывная тоска по чему-то безвозвратно утерянному, и она не знала дороги, хоть та и звала её.

— Как жаль, что вас даже нельзя коснуться.

Зов Дикой Охоты

Туманные псы заскулили, грустно перетекая из формы в форму. Неосёдланный конь досадливо стукнул копытом, высекая искры. Всадник только покачал головой.

— Слишком дорого гастся тебе каждое касание здесь, на границе, когда не истончается Вуаль Матери. Мы выпьем силы твоей хрупкой плоти, сами того не желая.

Как в тумане она внутренне увидела давнее своё пробуждение, когда руки и ноги налились свинцом, кровь отказывалась течь по венам и каждый вздох давался с трудом. Но ночной полёт стоил того, стоил каждой минуты последующего странного недуга, и сейчас она мечтала повторить его.

Всадник нарушил молчание, прежде чем она успела попросить его.

— Ты полюбила человека, — проговорил он с нотками печали.

Она отвела взгляд и кивнула.

— А желанна ли ему ты?

— Нежеланна, — с горечью ответила она. — Не обещана. Его сердце молчаливо, как заброшенный лесной омут. И всё же я смею мечтать, что сумею пробудить его.

Всадник ничего не ответил. Она решительно подалась вперёд и сжала его затянутую в перчатку руку...

Риана вскрикнула и проснулась. Казалось, кто-то скинул её на смятую постель, и болью отозвалась каждая косточка. Сердце вяло трепыхалось в груди — как и всегда после её снов-путешествий. Она попыталась поймать то томительное чувство, вспомнить подробности... и не смогла. Ей остались лишь хрупкие отголоски пережитого, мельчайшие искры вместо огня, который до поры до времени свернулся где-то на самом дне её сути.

Рука онемела и похолодела, но сейчас девушка была рада этому напоминанию о том, что всё было *по-настоящему*. Её ждали. *Где-то* она всё же была желанна. *Где-то* она умела всё то, что должна была уметь. Она могла не помнить всего, но знала это сердцем.

Здесь она совсем не могла танцевать. Кто-то будто подменял её ноги, и они забывали грациозность походки принцессы, делались вдруг чужими и неуклюжими.

Здесь она не могла петь. Стоило ей попытаться исполнить какую-нибудь балладу, как её низкий приятный обычно голос начинал походить на воронье карканье.

Риана пробовала, обманывая себя ожиданиями, и раз за разом разочаровывалась. Но и не пытаться она не могла. Её сердце томилось без музыки, и она чувствовала себя покаленной без возможности выразить себя так, как хотела. А уж сколько раз она слышала шепотки за спиной! *«Младшая гочь прекрасной королевы-ведьмы Лиоры так похожа на неё лицом! Но ах, Риана ведь не унаследовала её даров, кроме потомственного ведьмовства, типичного для женщин Валлы, и особенно для королевской семьи»*.

Всё это она могла в своих снах-путешествиях и поэтому знала, чего была лишена. А ещё песня и танец становились подвластны ей в Священные Дни, но в этом как раз не было ничего удивительного. Когда истончалась Вуаль Матери, у многих открывались недоступные в обычное время таланты. Зато одного у принцессы не мог отнять никто: она писала чудесные сказки о местах и событиях, которых никто не видел, но о которых мечтали многие. Она и сама не знала, откуда к ней спускалось вдохновение. Возможно, слова и образы навевали ей эти сны-путешествия.

Спohватившись, Риана быстро поднялась с ложа и подбежала к распахнутому окну, но не успела задви-

Зов Дикой Охоты

нуть щеколду — Илса вошла раньше. Хмуρο окинув девушку взглядом, пожилая ведьма покачала головой, прошла к окну и быстро закрыла его.

— Снова ты уходила! Волосы спутаны, босые ноги покрывает роса, а ночной убор смят и пахнет лесом. Не отпускают тебя Дороги Ши¹. Может быть, права была твоя покойная матушка, когда советовала забрать окна решётками из звёздного железа. Да только где ж его взять-то!

— Не сердись, Илса, — тихо попросила девушка. — Я не помню, как ухожу, но я ведь всегда возвращаюсь. И никто ещё ни разу не видел меня.

Илса прищурилась. В её пронизательных глазах отразилась тень искренней тревоги за девушку. Но даже она так и не смогла простить Риане смерть королевы, своей близкой подруги. И так же, как и все, Илса побаивалась того, что таилось в принцессе.

— А если заблудишься однажды и не вернёшься домой? Это разобьёт твоему отцу сердце.

Риана с горечью усмехнулась.

— Он бы и рад был, если б я никогда не вернулась. Может быть, мне и правда стоит заблудиться на Дорогах Ши...

— Не говори так, девочка моя. Сегодня канун Праздника Отцова Огня. Вуаль Матери истончается в такие ночи над всем Миром, и *другие* Её дети бродят среди нас. Сейчас особенно опасно вести такие речи.

— В эту ночь я, как и прочие, вряд ли буду спать. — Девушка чуть улыбнулась.

¹ Ши, или Сиды, Сидхи (Aes Sidhe) — в кельтской мифологии высшие Фэйри. В кельтском фольклоре Фэйри общее название для всех сверхъестественных существ. В некоторых легендах Ши ещё считались старшей братской расой людей (примеч. автора).

Илса одобрительно кивнула и с интересом спросила:

— Уж не молодого ли короля Вальтена ты считаешь очаровать накануне Праздника Отцова Огня? Каждый раз, когда он гостит у нас, ты сама не своя.

Риана зарделась, а потом всерьёз задумалась: а с кем она мечтала в эту мистическую ночь отпраздновать Единение Отца и Матери Мира — с Вальтеном Завоевателем, правителем Кемрана, захватившим её помыслы, или *тем*, другим, чьего имени она не знала?

Внутренняя Сила Вальтена завораживала её. Он был могучим воином и Воином по духу. Он был похож на героя легенды из тех, которые поражают чудовищ и спасают принцесс из башен. Но его взгляд был холодным, и гореть его заставляла совсем иная страсть, чем та, что была доступна большинству людей. Правда, принцессе казалось, что искра Богини, сокрытая в каждой женщине — особенно в *подходящей* ему женщине, — могла бы растопить его лёд. Невозможно было чувствовать какой-то надлом в нём и совсем не желать исцелить его. Риана даже написала об этом волшебную сказку со счастливым концом, но Вальтену её показать не решилась...

А *тот*, другой, чей огонь она помнила так ярко, кто находил её сквозь всё, — разве он не тревожил её сердце? Он был единственным, кто посягнул на искру Богини в ней. Это противоречило всему возможному, ведь *неслучайными* встречи становились только для тех, кто уже выбрал спутника и потому договаривался заранее. Те, кто уже любил, праздновали Единение друг с другом. Все остальные пробуждали в себе искру и вверяли себя в руки Отца и Матери Мира, встречая воплощение Богов в ком-то незнакомом и сами становясь таким воплощением. Многие встречали в эту ночь свою судьбу, с которой потом соединяли свою жизнь.

Зов Дикой Охоты

Тот, другой — только он праздновал с ней мистическое Единение каждый раз с тех пор, как она перестала быть ребёнком и впервые вышла в пылающую ритуальными кострами ночь вместе со всеми. И каждый раз она узнавала его сердцем и плотью, хотя никогда не видела его лица, никогда так и не узнала, кем он был в своей обычной жизни, вне Священных Дней. Станным образом он всегда находил её под любой маской, не давая шанса приблизиться к ней никому больше.

В самых тайных, самых безумных своих мечтах, в которых Риана даже себе боялась сознаться, она желала, чтобы эти двое оказались одним...

— Дорогая, я не знаю, станет ли король Вальтен высвобождать сегодня искру Бога в себе, — вздохнула Илса, прервав её мысли. — В землях Кемрана уже не следуют многим традициям. Там чествуют Отца и постепенно забывают Мать. — Она сокрушённо покачала головой. Риана тоже невольно вспомнила доходившие до Валлы тёмные истории о жрецах Отца, отрицавших всякую правду, кроме собственной. — Ох, и погибельный это путь. Одно не может существовать без другого... Вальтен — человек других нравов, чем мы, *опасный* человек. Странно, что он снова пришёл в Валлу как гость и как друг. Что мы можем предложить Завоевателю?

Девушка отвела взгляд. Дар иного знания коснулся её лёгким крылом совсем кратко, но достаточно, чтобы она успела узнать ответ.

— Вальтен пришёл в Валлу в поисках волшебства, — с улыбкой ответила принцесса и посмотрела на свою наставницу. — Возможно, здесь он найдёт то, что ищет.

Костры озаряли ночь, дразня её, приманивая, соблазняя сбросить покров тайны. Накануне Праздника Отцова Огня они пылали особенно ярко, знаменуя приближение лета, пробуждая пламя жизни в уснувших на зиму сердцах.

Жрицы Матери пели о том, как под покровом темнокрылой таинственной ночи Мать сбросит свою Вуаль и пригласит Отца отпраздновать Единение, и Их любви будет вторить сама природа и всё живое в ней. Жрецы Отца с ликованием повествовали, как на рассвете Он поднимется с брачного ложа, счастливый, откроет свою сокровищницу и разольёт благодатное золото над ждущей Его милости землёй. Но то будет лишь на рассвете, а ночь накануне была торжеством их союза, торжеством жизни в каждом, в ком горела искра Богов.

Сегодня истончалась Вуаль Матери над всем Миров — хрупкая и вместе с тем непроницаемая граница между привычным и потусторонним. Вместе с людьми этот день праздновали *другие* дети Отца и Матери. Никто не знал, чьё лицо на самом деле скрывалось под маской первого встречного, кто среди прочих веселился и танцевал у костров, чьи голоса и чей восторг сплета-

Зов Дикой Охоты

лись в полных бесшабашной радости песнях. Эта ночь преображала и самих людей, смывая границы, отпирая засовы, замыкавшие тайны души, позволяя искрам их существа гореть подобно праздничным кострам. Чистая концентрированная Сила проливалась в Мир торжествующим звоном бурной полноводной реки.

Риана, никем не узнанная, смешалась с толпой. Ей нравилось участвовать в колдовских песнопениях, ведь сегодня ей наяву удавалось то, что удавалось только в снах-путешествиях. Во время Священных Дней она чувствовала себя *совсем* иначе. Если бы кто-то спросил её, она бы даже не сумела объяснить, в чём заключалась перемена. Просто сама ночь как будто отпирала тяжёлые засовы в ней, плавил решётки барьеров и выпускала свойственную ей магию. Разумеется, это происходило не только с ней. Высвобождение искры Богини всякую женщину — тем более ведьму — делало на краткие мгновения отражением самой Матери Мира на земле. Всякая жизнь являлась отражением Отца и Матери Мира, всякая была отмечена Их Любовью. Но почувствовать это *по-настоящему* можно было лишь в самые необыкновенные, поистине волшебные моменты.

Немного отстав, девушка неспешно побрела по лугу, медля присоединиться к толпе танцующих. Мягкая земля пела под босыми ногами, полная животворной силы. Риана подняла голову к звёздному небу и вздохнула, улавливая таинственные ароматы, вслушиваясь в песни, которые в своём переплетении создавали нечто чарующее, почти потустороннее. А когда она закрыла глаза, то вспомнила отголоски своих снов-путешествий. На миг ей даже показалось, что те, кого она пыталась догнать, сегодня тоже зажигали свои заколдованные фонари от общих костров. И совсем некстати вспомнился ей вдруг давний полёт в Последнюю Ночь

Года, в Ночь Дикой Охоты, когда привычный тёплый лик Отца был ликом Охотника, Собирателя душ. Сегодня была ночь чествования совсем иных проявлений Мира, но она никак не могла забыть призрачный перестук копыт коня, для которого сами ветра становились дорогой, и звенящий, зовущий вой туманных псов, бегущих рядом с ней. Только однажды гости её снов-путешествий сдались её уговорам и подарили ей это чудо, ценой которому стал длительный недуг, но она никак не могла забыть.

Риана тряхнула головой, сбрасывая оцепенение, и посмотрела в сторону заповедного леса. Оттуда сегодня тоже доносились смех и голоса, и она была абсолютно уверена — не только людские. Те, кто бродил Дорогами Ши, любили порезвиться вместе с остальными. Над кем-то из людей они подшучивали, кого-то одаривали, а с кем-то — как говорили — даже праздновали Единение Отца и Матери Мира.

А потом Риана окончательно потеряла себя привычную и стала собой *настоящей*, одним из воплощений Матери Мира. Ей казалось, что за её спиной, почти как у самой ночи, тоже распахнулись крылья, когда та особая Сила, пробуждавшаяся во многих сегодня, понесла её к кострам. Она остановилась на границе света, ожидая нужного момента, всматриваясь в фантазмагорические силуэты танцующих. Их внутренним волшебством звенел сам воздух, и в сверкающих потоках Силы уже было не разобрать, какая нить тянулась от какой искры.

Высокая фигура приблизилась к ней, различив её среди прочих. Мужчина поклонился и сложил руки в особом мистическом жесте выбора. Ощутив протянувшуюся между ними нить, Риана ответила своим жестом принятия выбора и вложила руку в его раскрытую ладонь. Таким сегодня было её воплощение Бога.

Мужчина увлёк её к костру в ритуальном танце. Его Сила была ей знакома — опасное непокорное пламя, ставшее уже родным ей. Этому пламени она без страха вверила бы себя даже в другую ночь, не освящённую столь ярким присутствием волшебства Отца и Матери Мира. Наверное, он был её судьбой, и всё же она не могла найти его среди масок привычных лиц, когда собственное волшебство засыпало в ней. В Ночь Празднования Единения нельзя было спрашивать, нельзя было заговаривать с тем, кого послали Боги, так же как нельзя было снять маску и увидеть лицо своего воплощения Его Силы. Лишь язык волшебства и чувства был доступен, но с его помощью невозможно было узнать имя.

Тот, кто неизменно находил её среди всех, увёл её в лес, в тенистую лощину, где ночь распахнула над ними свои искристые тёмные крылья и спрятала их от всего остального Мира. Риана раскрылась его Силе, вверила ей себя, разделяя с ним радость и древнюю магию. Она уже знала, каким будет вкус его губ, какой будет сладость его объятий, словно не прошло всех тех месяцев с последней подобной ночи. Она радовалась его присутствию всем своим существом, когда они разделили уже иной ритуальный танец, празднуя Единение, переплетаясь душами так, как было доступно немногим даже в этот Праздник. И только потом она почувствовала неуловимую перемену в нём. Сегодня он был отчаяннее, жёстче... опаснее. Его огонь был любящим, но он обжигал. Его Сила вливалась сладостно, но она горчила, словно кто-то уронил в чашу радости тёмные искры печали. Риана спрашивала его языком волшебства, языком той проникновенной нежности, которой Мать Мира одарила каждую из своих дочерей, но так и не получила ответ.

В предрассветных сумерках, когда магия начала угасать, впитываясь в землю и воздух, он оставил её. На

Зов Дикой Охоты

этот раз Риана решила последовать за ним, но он ни разу не обернулся. А когда они вернулись к кострам, она потеряла его в толпе и больше не сумела найти.

Прежде чем первые искры Отцова Огня пролились на землю, она вернулась в замок тайными тропами, скинула ритуальный наряд и опустилась на ложе. В дневной части празднеств она почти никогда не участвовала.

Она снова стала привычной Рианой, и внутри болезненно запульсировала тоска по чему-то недостижимому, которое должно было принадлежать ей, но оказалось забыто.

А ещё, несмотря на все дары волшебства, данные мистической ночью, она не могла избавиться от ощущения, что теряет что-то очень важное.

Иннру, король-друид Валлы, был одним из немногих людей, которые не праздновали ночь накануне Праздника Отцова Огня. Когда-то он уже встретил свою судьбу и больше не искал её среди прочих дочерей Богини. Но искры отзвеневшего волшебства он ощутил в своём госте. Вальтен будто бы стал чуть менее угрюмым, чем обычно. Он даже улыбался каким-то своим мыслям, разделяя с Иннру утреннюю трапезу. Казалось, что-то глубоко взволновало Завоевателя, но волнение это было приятным.

«Интересно, какая из женщин Валлы поделила с ним поток Силы в минувшую ночь?» — подумал король-друид.

Сердце привычно отозвалось болью, когда он вспомнил королеву-ведьму Лиору и её дары. Как тяжело было простить девочке с её лицом и такими же длинными волосами цвета рассветных сумерек то, что она выпила силу матери, чтобы жить. Но Лиора очень хотела, чтобы всё было именно так. Всю себя она вложила в это колдовство. Она боялась, что Риана однажды заблудится на Дорогах Ши, когда они снова позовут её, и больше не вернётся. Сейчас принцесса была лишь бледным подо-

бием своей матери, которой никогда было не подняться до своих сестёр и братьев. В ней почти не горела сила королевского рода Валлы. А та, *грутая* магия, что была сокрыта в ней и которую опасались люди, спала беспробудно, как и пожелала когда-то Лиора.

— Земли Кемрана давно уже не поют таким волшебством, — со сдерживаемой горечью произнёс Вальтен. — Когда я имею честь быть твоим гостем, добрый сосед Иннру, я почти нахожу здесь то, чего мне так не хватает. Это успокаивает моё сердце и даже уводит мои мысли от привычного — от войны.

— Я рад этому, сосед. Валла не может похвастать богатствами Кемрана и едва ли способна привлечь твой взор, но мы чтим древние традиции, — осторожно согласился Иннру. — Для меня честь не меньшая приветить тебя здесь как гостя.

Ни на миг он не забывал, *кто* был перед ним. Молодой король Вальтен Завоеватель приходил, как друг, но однажды положение гостя могло показаться ему недостойным. Угроза висела над Валлой так же, как и над прочими землями, куда ещё не дошли кемранские войны. Завоёванные Вальтеном территории были дикими, гораздо более дикими, чем Валла. Но ведь и они тоже чтили древние традиции и ставили их выше нового странного знания.

Король Кемрана пристально посмотрел на Иннру. В его тёмно-синих глазах зажёгся тот особый огонь, который пугал и завораживал многих.

— В этот раз я, кажется, нашёл то, что искал. Я хочу увезти с собой часть волшебства Валлы, сосед, и на то испрашиваю твоего благословения. Возможно, это волшебство озарит собой Кемран, и земля запоёт, как прежде.

— Что отсюда ты хочешь взять с собой?

— Я хочу, чтобы одна из твоих дочерей стала моей достойной супругой, королевой Кемрана.

Сердце Иннру учащённо забилося. Больно было бы расстаться с любой из них, кроме разве что третьей, самой младшей, смотреть на которую порой было так невыносимо. Страшно было отдавать любую из них этому опасному человеку, хоть он и был достойным воплощением Бога, истинным Воином по духу. Но король-друид Иннру был мудр, как и его предки, и понимал: такой союз навсегда обезопасил бы Валлу. И потом — кто знает? Возможно, королева из рода правителей Валлы сумела бы оживить волшебство в Кемране, ведь каждая принцесса и каждый принц несли в себе дар древней магии. Опасные вести доходили из Кемрана — вести о земле, закованной в ядовитую сталь, — и король-друид не хотел, чтобы тень, воплощённая в тех историях, накрыла однажды его любимую Валлу.

— Кого из них ты пожелал бы видеть своей королевой, сосед?

Тёмные глаза Вальтена на миг отразили пламя искры Бога, сокрытой в нём. В его взгляде Иннру различил жажду, которая когда-то заставила его искать Лиору среди масок привычных лиц. Голос правителя Кемрана был непривычно тёплым и чуть дрогнул от сдерживаемого волнения, когда он ответил:

— Ту, чьи глаза отражают тайну лесных озёр. Ту, чьи волосы струятся шёлком рассветных сумерек.

Король-друид Валлы улыбнулся не в силах скрыть ликование и медленно кивнул.

— Я дарю тебе своё благословение с лёгким сердцем. Мне известно, что Риана, младшая из моих дочерей, давно пленилась твоим огнём. Она не откажет тебе и привезёт в Кемран часть волшебства Валлы.

Ветер шумел в ветвях, перешёптываясь о тайнах минувшей ночи. Вдалеке звенели голоса и мелькали блуждающие огни. Но сегодня даже больше, чем искать их след, ей хотелось покоя.

Она обняла гревний губ. Шершавая кора под её лапками была тёплой, и под покровом неспешно текла густая Сила — кровь земная. Она вздохнула и прижалась к дереву лбом, смутно вспоминая празднование Единония и вести, полученные днём. Ей было и страшно, и радостно, и она не знала, какое из этих чувств сейчас было сильнее.

Тихий мистический перестук копыт заставил её обернуться. Тёмный неосёдланный конь вышел на опушку и приветственно заржал. Ночная мгла выткала силуэты верных псов. Они радостно вились у её ног, привычно перетекая из формы в форму, удерживаясь от того, чтобы коснуться её.

Когда появился Всадник, она улыбнулась и прошелестела:

— Пусть ночь раскроет вам желанные объятия.

— Пусть она осыплет тебя своими драгоценностями, — ответил Всадник, склоняя голову.

Его конь беспокойно всхрапнул, и тревога передалась неосёдланному скакуну. Тихо заскулил кто-то из тёмных туманных псов.

— Ты желанна ему? — негромко спросил Всадник, и в тени капюшона его глаза вспыхнули холодным серебром.

Она приложила лагерь к груди, унимая радость.

— Желанна. И обещана.

Кони тоскливо заржали. Псы приглушённо зарычали, и этот звук мог бы вызвать грохот даже в самом храбром сердце.

— Ты выбрала опасный путь, — проговорил Всадник, и в его голосе ей почудились горечь и лёд. — Как далеко он завёл тебя теперь... Как далеко...

Когда она услышала его тяжёлый вздох, тень страха вдруг обняла её явственнее, чем обнимали крылья ночи.

— Если я покину земли Валлы — я не потеряю вас? — дрогнувшим голосом спросила она. — Вы ведь сможете приходить ко мне?

Всадник мягко рассмеялся, точно она спросила о чём-то столь же естественном, как смена времён года. Неосёдланный конь нетерпеливо загарцевал. Лай псов разнёсся в воздухе призрачным эхом.

— Мы здесь гля тебя. Мы охраняем. Мы ждём. Наша дорога простирается не только по землям Валлы.

Страх отпустил её, свернулся на дне её сердца. Но чувства, которые она испытывала, по-прежнему были смешанными. Она не знала, был ли совершаемый выбор верным.

Помнила она и ещё кое о чём.

— Ты знаешь, кто приходил ко мне каждую ночь накануне Праздника Отцова Огня с тех пор, как моя хрупкая плоть стала плотью женщины? — спросила она.

Зов Дикой Охоты

— Я знаю, кто приходил к тебе, — бесстрастно ответил Всадник.

— Открой мне его имя и облик.

Он тихо рассмеялся, но в этом звуке не было веселья.

— Тайны ночи пусть остаются с нею, пока она сама не решит нашептать их тебе. Возможно, там, в своём затянувшемся сне, ты напишешь новую сказку.

— Открой мне! — воскликнула она. — Я должна быть уверена!

Но Всадник лишь покачал головой и начал разворачивать коня.

— Будешь ли ты со мной в землях Кемрана? — прошептала она.

В его голосе она услышала улыбку, согревшую её сердце, хоть и не растопившую прочие её сомнения.

— Всегда.

— Пусть бы зов Дорог Ши стал для тебя тише в землях Кемрана, — причитала Илса, расчёсывая длинные волосы принцессы и вплетая в них жемчужные нити. — Если молодой король Вальтен узнает, он, чего доброго, заточит тебя в башне, чтобы не потерять тебя! А в башне ты зачахнешь.

— Ну что ты такое говоришь! — беззаботно рассмеялась Риана. — Рыцари не прячут принцесс в башни. Они их освобождают. А если серьёзно — то зачем мне бежать от лорда моего сердца?

— Хоть бы не ошиблась ты, девочка моя, — вздохнула пожилая ведьма. — Только бы того ты назвала лордом своего сердца — того, кто судьба твоя.

Принцесса задумалась и попыталась поймать пламенную птицу своей мысли, услышать ответ, но на ум приходили только те странные слова: *«Тайны ночи пусть остаются с нею, пока она сама не решит нашептать их тебе»*.

— Ты поедешь со мной, Илса?

Ведьма заколебалась и нахмурилась.

— Мне беспокойно на сердце. Жители Кемрана позабыли немало законов, и злые тени бродят по их зем-

Зов Дикой Охоты

ле, чей завет был отринут. Будь осторожна и в слове, и в деле, и никому не перечь в открытую. Даже королеву можно опорочить и свергнуть, если она откроется под удар. Жар Небесного Огня — удел Отца, а Мать умеет искусно прясть нити ночи и ткать тени. Но оттого власть её не меньше. Помни об этом, когда пожелаешь вдруг изменить что-то. Не всякий бой нужно вести в открытую.

Риане стало не по себе от этого пророчества. Слишком необычно было услышать такое прямо накануне свадьбы. Она обернулась к своей наставнице и тихо повторила:

— Так ты поедешь со мной?

Илса вздохнула.

— Мне тяжело покидать волшебную Валлу, да и не молода я уже. Но твоя матушка Лиора, моя верная подруга, не простила бы мне, если б я не помогла тебе. Я поеду с тобой, Риана, и встану в тени твоего трона.

Девушка крепко обняла её. И пусть, как и всё прочее, этот шаг был сделан ради её матери, а не ради неё самой — на миг ей стало не так одиноко.

Ярко пылал в небесной лазури Отцов Огонь. Переливались в воздухе звонкие голоса птиц, приветствовавших лето. Мягко волновалась луговая трава под ногами. Ветер приносил ей запахи полевых цветов и заповедного леса. Валла делала Риане прощальный подарок — это сияющее утро, призванное наполнить её сердце радостью. Хоть темнокрылая ночь и была всегда ей милее, девушка была благодарна любимой земле за этот дар.

Вся столица вышла провожать принцессу, будущую королеву Кемрана. Девушке казалось, что все они — и отец, и её братья, и сёстры, и приближённые — испытывали облегчение от того, что она наконец отбывает. Впрочем, с горечью одиночества среди людей она давно уже научилась жить. К тому же сейчас слишком велика была радость — её и Вальтена Завоевателя. Ей хотелось верить, что, выбрав её, он в отличие от всех принял её *по-настоящему*.

Суровый молодой король впервые на её памяти выглядел почти счастливым. Он казался ей особенно прекрасным сейчас, в блеске своей радости и гордости, и напоминал Риане одного из легендарных Вои-

Зов Дикой Охоты

нов Ши. Дикий ветер играл его золотистыми волосами. Искры Небесного Огня плясали в его тёмно-синих глазах, хоть немного теплевших, когда он смотрел на свою невесту. И как хотелось ей, чтобы его сердце однажды забилося с новой силой... для неё.

Ради него Риана сегодня покидала земли Валлы, по которым — она знала — сердце будет тосковать.

«Возможно, Кемран не так враждебен, как о нём говорят? — подумала она, с грустью глядя на луг у крепостных стен, на далёкий заповедный лес. — О, Мать Мира, пусть только у меня хватит сил, чтобы озарить землю Вальтена Твоей древней магией, как он мечтает. Пусть всего, что Ты вложила в меня, окажется достаточно».

Девушке показалось, что она была услышана, и она улыбнулась.

Риана тепло попрощалась с отцом, братьями и сёстрами и махнула рукой на прощание столичным жителям. Вальтен помог ей сесть на легконого гнедого коня, а сам взлетел в седло своего боевого вороного. Вместе, стремя к стремени, они поехали по широкому тракту прочь от города, прочь от заповедного леса, сопровождаемые свитой, в которой была и верная Илса, и несколько воинов короля-друида.

Сердце Рианы сжалось от одиночества лишь на мгновение — не потому что она покинула родных, никогда так и не принявших её, а потому что Валла пела для неё в последний раз. Но потом принцесса посмотрела на молодого короля, которого назвала лордом своего сердца, и когтистая рука страха немного отпустила. Она так и не решилась спросить его о ночи накануне Праздника Отцова Огня. Сомнения вились над ней стайей беспокойных птиц.

«Всё покажет ночь, которая скрепит наш союз», — подумала девушка.

Оглянувшись, она бросила последний взгляд на заповедный лес. Она вспомнила обещание Всадника, и это обещание согрело её даже больше, чем сдержанная улыбка Вальтена Завоевателя.

— Молодой король выбрал себе невесту. Он вернётся в Кемран с красавицей-королевой!

— Наконец-то он забыл её! Война — верная супруга, но она не принесёт в своём чреве наследника.

— Вот только невеста его — ведьма из Валлы.

Тихий голос Сотара, самого мудрого из жрецов Отца, бывшего советником ещё при прежнем короле Радднире, заставил всех обернуться к нему.

— Но она — дочь мудрого короля Иннру, — нерешительно заметил другой жрец.

— Дочь короля-*груида* и королевы-*ведьмы*, — с нажимом заметил Сотар.

— Не всегда слова «друид» и «ведьма» вызывали в жителях Кемрана страх, — со вздохом пробормотал третий жрец. — Не всегда их связывали с теми, имена которых лучше и не упоминать всуе.

— Да, те, кто пропускает сквозь себя волшебство, оказались наиболее уязвимы перед лицом Блуждающих Теней, — скорбно сказал Сотар. — Наши бедные жрицы Матери... Их теперь и вовсе, наверное, не осталось... Ну а друидов и ведьм зло исказило ещё раньше!

— Но ведь и мы пропускаем сквозь себя волшебство, — прошептал второй жрец.

— Блуждающие Тени бегут перед лицом Отцова Огня, брата. Именно Ему мы служим, и Он защищает нас. Мать же прядёт нити ночи и ткёт тени — тени, которые так родственны с *другими*. Вот почему Её служительницы оказались столь уязвимы. У луны есть тёмный лик, и именно он всегда властвовал в Кемране. Ну а друиды и ведьмы пропускают сквозь себя так много, что однажды их разум и дух просто теряется на Проклятых Дорогах и в Гиблых Местах. *То*, что остаётся *вместо* них, опасно для всякого человека.

Они знали всё это, но иногда не мешало напомнить о тех ужасах, от которых служители Отца оберегали народ.

Третий жрец окинул остальных решительным взглядом и сказал:

— И всё-таки будущая королева — ведьма из Валлы, а не из Кемрана. Возможно, она сумеет противостоять здешнему злу. Возможно, она даже сумеет вернуть нам утраченное.

— Вернуть? — Сотар с горечью рассмеялся. — Уж не знаю, к добру ли будет это, ведь люди теперь выбирают иной путь.

— Ну а если молодая королева всё же станет сосудом для зла? — тихо спросил кто-то.

Сотар обернулся на голос.

— Тогда мы сделаем то, что должны. Мы очистим её, как и прочих, чтобы защитить короля и Кемран. Довольно нам Блуждающих Теней, сеющих страх в людских сердцах, шепчущих о кошмарах и недостойных деяниях. Не хватало ещё, чтоб Тени снова, как раньше, стали вселяться в живущих рядом с нами. Довольно того, что не за всяким младенцем мы успевали уследить, прежде

Зов Дикой Охоты

чем его *погменяли*! Увы, братья, как вы знаете, жрицы Матери больше не помогут нам. Бремя очищения давно уже лежит на нас одних.

Жрецы погрузились в молчание. Те из них, кто путешествовал за границы Кемрана в земли, которые всё ещё пели, скорбели по утерянному. Кто-то надеялся. Кто-то страшился. Сложно было оставаться последними стражами людей перед лицом неизвестного, когда само древнее волшебство было искажено, а почти все, кто пропускал его сквозь себя, стали сосудами Блуждающих Теней.

А сложнее всех было тем, кто знал больше прочих и нёс бремя ещё более тяжкое...

Когда они пересекли границы Кемрана, Риане показалось, что на неё вдруг набросили душный полог. Её грудь словно сжали невидимые тиски, а привычный блеск красок Мира и переливы звуков отдалились. Пошатнувшись в седле, она хватала ртом воздух и не понимала, что с ней творилось. Её конь сбился с шага, точно почуяв её недомогание.

— Что с тобой, моя леди? — с тревогой спросил Вальтен, остановив своего вороного.

Она посмотрела на короля. Только сейчас она заметила перемену в нём и в окружавших её людях. Вала немного растопила доспех своих гостей, но, вернувшись домой, кемранцы снова стали привычно суровыми, хмурыми, как грозовое небо. Угасли песни и весёлые разговоры, сопровождавшие их всю дорогу. Точно лёгкая тень покрыла их лица, и тяжёлое бремя снова легло на их гордо расправленные плечи. Воины из Валлы, сопровождавшие принцессу, тревожно переглядывались. Даже Илса как-то изменилась и недобро прищурилась, глядя на изумрудные холмы вдалеке.

— Здесь тяжело дышать, мой лорд, — прошептала девушка.

Горькая усмешка понимания пересекла его резко очерченные губы. Его взгляд затуманился, словно он вспомнил вдруг о чём-то глубоко его ранившем.

— Моя земля уже давно не поёт таким волшебством, как та, в которой ты была рождена, моя леди. Но, возможно, именно ты несёшь в себе так необходимый нам светоч.

Его слова согрели сердце, и даже дышать стало легче. Риана взяла себя в руки и тепло, с благодарностью улыбнулась ему. Вальтен чуть поклонился ей и прищипил коня.

И снова они скакали стремя к стремени по широкой необъятной равнине и вдоль тёмно-бирюзовой полноводной реки к таинственным изумрудным холмам, а потом мимо древних диких лесов, напомнивших ей заповедные чащи друидов Валлы. Здесь, в Кемране, так же светил Отцов Небесный Огонь в глубокой лазури, так же ветер доносил запахи леса и полевых цветов, так же с поющим журчанием несли свои воды реки. Но всё это было лишено какой-то полноты, глубины, как будто сам свет жизни потускнел здесь. Кемран был землёй печали — молчаливой землёй, позабывшей свои песни. Он казался тенью себя самого, хрупким отражением в воде, готовый вот-вот покрыться рябью. Его красота внешне напоминала красоту Валлы, но внутренне он словно был скован неведомой силой. Что-то изменило его, выпило его глубинное волшебство, так что даже кровь земная обладала здесь иным привкусом.

«Хватит ли меня одной, чтобы озарить эту землю волшебством Валлы? — с тревогой думала Риана. — Подаренная мне Матерью Сила не так велика, об этом мне всегда говорили. Как же я сумею поделиться ею с другими, так чтобы оказалось достаточно? Или, возможно, нужно лишь напомнить Кемрану, каким он был когда-то,

отыскать его собственное волшебство, и тогда он очнётся от своего глубокого сна?..»

Эти мысли, да ещё и воспоминания о том, с какой надеждой на неё смотрела свита Вальтена, вернули её сердцу былую решимость. И пусть её желание исцелить внутренний надлом короля теперь обратилось в нечто гораздо большее — она не собиралась отказываться от задуманного.

Очнётся от глубокого сна...

Риана попыталась вспомнить что-то очень знакомое, связанное с этими словами, — что-то зыбкое и неуловимое, но такое важное. Вдруг краем глаза она уловила какое-то движение и обернулась к дикому лесу, вдоль которого бежал тракт. Ей показалось, что в сгущавшихся сумерках среди деревьев она увидела тёмные силуэты зверей и всадника. Они двигались беззвучно, как призраки, а потом и вовсе исчезли.

Риана посмотрела на своих спутников, с облегчением убеждаясь, что вроде бы больше никто ничего не заметил. Только Илса внимательно следила за ней всю дорогу да бросала тревожные взгляды по сторонам. Серый конь ведьмы — такой же серьёзный и основательный, как его пожилая хозяйка, — ни на шаг не отставал от гнедого принцессы. Девушка всегда подозревала, что её строгая наставница гораздо больше знала о Дорогах Ши, чем говорила ей. Возможно, Илса тоже заметила силуэты, но только вряд ли стала бы отвечать на вопросы принцессы, как и всегда.

На ночлег они остановились в трактире в небольшом городке, в паре дней пути от столицы. Люди высыпали на улицы встречать своего короля и его невесту, но это была не бурная безудержная радость жителей Валлы. Кемранцы в целом были угрюмым и тихим народом,

Зов Дикой Охоты

скупым на проявление чувств, и радость у них была такой же сдержанной. Открытая улыбка Рианы была ярким лучом в толпе, разбавившим привычный серый сумрак.

Заезжий рыжеволосый менестрель исполнил за ужином несколько кемранских баллад. У него было приятное вдохновенное лицо, красивый, по-своему волшебный голос и быстрые танцующие руки. Его песни очень понравились девушке, хотя каждая, даже самая весёлая из них, имела лёгкий привкус печали. Но под эту музыку ей виделась то тихая ночь в заповедном лесу, то тёмная спокойная вода, то предрассветный туман над лугом. Мягкие сумеречные краски всегда давали ей чуть больше радости, чем яркий полуденный свет. В них она видела покой, а не угасание. А переливчатый звёздный свет глубокой ночи был ничуть не менее прекрасен, чем рассветные лучи, пробуждающие жизнь.

Вальтен чуть улыбался её радости, а потом наклонился к ней и тихо спросил:

— Моя леди, может быть, ты исполнишь нам одну из песен Валлы? Сколько раз я гостил у вас и ни разу не удостоился чести услышать, как ты поёшь.

Риана вздрогнула под его взглядом, отражавшим такое предвкушение, какое испытывают дети, когда им обещают волшебную сказку. Что-то в груди болезненно сжалось.

— Я не могу, мой лорд, — с усилием ответила она и перевела взгляд на людей короля, смотревших на неё с такой же надеждой и предвкушением.

— Почему? — удивился Вальтен.

— У меня плохо получается петь.

«Так плохо, что лучше вообще не слышать», — мысленно добавила она.

Заметив её смущение, Вальтен накрыл её руку своей тёплой ладонью.

— Когда ты говоришь — как будто тихая река журчит. Не может быть, чтобы у тебя получалось плохо. Подари нам немного вашей сказки сегодня, прошу.

Почему-то это было для него очень важно.

Кемранские воины горячо поддержали его. Менестрель с интересом подсел поближе, готовый подхватить мелодию и аккомпанировать ей. Илса отвела взгляд. Воины из Валлы, знавшие свою принцессу, смущённо молчали.

Риана поняла, что отказать не могла. Потом в голову ей пришла безумная мысль, что, возможно, в этот раз у неё и получится, особенно если она выберет песню, которая в последний раз лилась так гладко. Эту песню часто исполняли в числе прочих в ночь накануне Праздника Отцова Огня.

Если первая фраза ещё далась ей, то потом у неё снова возникло привычное чувство, словно горло вдруг охватили терновые ветви. Ноты задыхались в гортани, не успевая вылететь, и ломали мелодию фальшью. Голос стал как будто чужим — сильным и неприятным, как после тяжёлого недуга. Но менестрель узнал песню и поддержал принцессу, направляя её, помогая ей. Дойти до конца она смогла только благодаря ему и собственной королевской выдержке.

Вальтен сдержанно склонил голову в знак благодарности, но Риане показалось, что в его взгляде мелькнула тень разочарования. Его люди всё равно зааплодировали — скорее её храбрости, чем исполнению. Менестрель ободряюще улыбнулся.

— В сказках принцессам положено иметь голоса, которые могут поспорить с журчанием ручьёв и пением птиц, — со смехом заметила Риана, обводя их взглядом.

Зов Дикой Охоты

дом, стараясь скрыть стыд и отвращение к тому, что голос снова подвёл её. — Увы, я не сказочная принцесса, а вполне обыкновенная.

— Я бы так не сказал, — мягко возразил менестрель.

Нечто странное промелькнуло в его болотно-зелёных глазах, но уже в следующий миг он заиграл что-то весёлое.

Вальтен взял руки девушки в свои.

— Станцуеть со мной?

У Рианы возникло назойливое ощущение, что он как будто испытывал её.

— Я не могу, — прошептала она.

— Я поведу тебя. — Он тепло, заговорщически улыбнулся ей и увлёк в центр зала.

Его руки были сильными, надёжными. Они поддерживали девушку, когда ноги привычно подогнулись, сведённые судорогой, стали вдруг чужими, окостеневшими. Риана спотыкалась, ковыляя в попытках придержать ритма и нужных движений. Внутри она сгорала от стыда, но её лицо было абсолютно невозмутимым, как и положено принцессе. Вальтен посмотрел на неё без доли насмешливости, а потом вдруг подхватил её, без труда удерживая над полом, и понёс, закружил в танце, защищая от удивлённых неуклюжестью валлской принцессы взглядов. В этот миг она была ему особенно благодарна. Его объятия были приятны ей, и так легко оказалось вверять им себя. Когда король отвёл её обратно к общему столу, ей впервые было жаль, что танец закончился.

Риане очень хотелось хоть как-то исправить впечатление, и она решила рассказать одну из своих сказок. На миг прикрыв глаза, она вспомнила свои сны-путешествия и празднование Священных Дней в Валле, когда чувствовала себя самой собой, даже не зная до конца,